

ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕЧТА АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

«Обычно, когда мы говорим о театре, имеем в виду постоянную работу, зарплату или устройство в Москве; мы обсуждаем не право на труд, а место труда. Мне кажется, если бы мы освободились от этого ложного права на постоянное место труда, театр сделал бы первый шаг к иному уровню художественного творчества».

Эта мысль принадлежит режиссеру Анатолию Васильеву, и чуть дальше он разовьет ее полнее. Недавно режиссер получил свой театр в Москве, появления которого ждали много лет.

ВАСИЛЬЕВ ЗАЯВИЛ о себе как талантливым художник и лидер спектаклем «Первый вариант «Вассы Железновой», который он поставил в Театре имени Станиславского в 1977 году. Следующая его премьера — «Взрослая дочь молодого человека» — стала событием в театральной жизни Москвы. Наконец, два года назад Васильев выпустил в Театре на Таганке спектакль «Серсо», и эта работа признана одной из лучших постановок последнего времени.

Васильев не придумывает новых форм в искусстве. Он следует мхатовской традиции психологического театра, забытой в 70-е годы многими режиссерами. Подробно и скрупулезно воссоздавая быт, повседневность, он тем не менее уходит от выявления чистых закономерностей в область символического осмысления реальности. Он возвращает на сцену, утратившее чувство актерского ансамбля. Каждый герой в его спектаклях независим от объема роли живет своей сложной жизнью, будучи в то же время множеством тончайших итальных связей с внешним миром; со всеми остальными персонажами. Не случайно Васильев как бы заново открывает для нас хорошо знакомых актеров, каждый исполнитель его ансамбля становится солистом.

И все же совсем недавно даже трудно было предположить, что Анатолию Васильеву доверят свой театр. Несмотря на огромный успех спектаклей, судьба его складывалась драматично.

Из разговора с А. Васильевым: — Вы стали главным режиссером. Что изменилось в вашей жизни?

— В общем-то никаких перемен не произошло; мне всегда было просто необходимо чувствовать себя руководителем, ответственным за общее дело. Ни в одном коллективе меня ласково не встречали. С первого же спектакля я должен был обособливаться, как-то обороняться и вопреки всему — существовать.

ПЕРВАЯ АФИША

НОВЫЙ ТЕАТР открылся в феврале этого года в подвале на улице Воросского премьерой «Шесть персонажей в поисках автора Пирранделло, сыгранной студентами-заочниками ГИТИСа, учениками и последователями Васильева. У меня в руках та фараерская афиша, первая афиша с названием театра — «Школа драматического искусства».

Из разговора с А. Васильевым: — Идею школы меня преследовала всю жизнь. Но всякий раз мне говорили: знаете, театр в театре нам не нужен. Вот и получается:



Анатолий Васильев.

коллектив в коллективе, демократия внутри демократии.

— И все же почему название театра — «школа»? — Школа для меня — это группа людей, объединенных одной эстетикой, определенным художественным мировоззрением и принципами игры; это человеческое участие и желание актера жить на сцене ансамблем. Театры стареют, как стареют люди, время предлагает новые правила игры. Однако традиции должны оставаться. Традиции русской сцены — предназначение и подданничество.

ПРИШЛИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

В НОВЫЙ ТЕАТР пришли единомышленники Васильева, с которыми он ставил спектакли в Театре Станиславского, затем на Таганке: актеры и художник Игорь Попов... Кто-то по дороге отставал, не выдерживал его беспощадной требовательности и одержимости, появлялись новые люди. Но вот что интересно: след за Васильевым Театр на Таганке покинул, помимо актеров, монтажников, электриков, музыкантов — всего 12 человек.

Виктор Славин, автор «Взрослой дочери...» и «Серсо»: «Вокруг Васильева образовалось некое товарищество, оно определяется душевным родством людей».

Из бесед с актерами: Борис Романов: «Мы все чувствовали, что наша профессия обесценилась, потеряла свой человеческий и художественный смысл. То, чем занимается сегодня театр... это болельерия, производство. Зачем! Почему! Для кого?... Васильев будит людей от спячки».

Наталья Андрейченко: «Лет 5—6 назад я стала ощущать, что

погибало творчески и технически, что мне стоило не хватать актерских средств, я сама напросилась к Васильеву, долго ждала. И вот наконец он пригласил меня в «Серсо». Я счастлива, что работаю с Мастерами».

Юрий Гребенщиков: «Работать с Васильевым трудно, иногда мучительно. Но он извлекает из человека то хорошее, талантливое и настоящее, что нем есть. У него выходило на сцену, на испытывала стыда за то, что делалась».

Сегодня, же в своем театре, Васильев заботится о восстановлении «Серсо». Идут занятия по танцу, вокалу, уроки по импровизации (это работа, необходимая для возобновления спектакля). Театру вскоре предстоит гастроли в Ленинграде, а затем спектакль будет показан на международных фестивалях в Штутгарте, Амстердаме и Лондоне.

Впервые репетиции мы сидим с Анатолием Васильевым за длинным дубовым столом (истати, стол этот из спектакля «Первый вариант «Вассы Железновой»; я вспоминаю слова актрисы Людмилы Поликовой: «Мы даже мебель нашу с собой возили»), горит огромная старинная лампа (интересно, из какого она спектакля?), и часотельно все в этом подвале наполнено атмосферой театра, что мне вдруг представляется: мы и сами персонажи какой-то еще не сыгранной пьесы.

В АУРЕ СПЕКТАКЛЯ

НАШ РАЗГОВОР постоянно прерывается. К Васильеву то и дело обращаются по любому вопросу. Он внимательно выслушивает каждого. Спорт, оветует, убеждает. Никакой суеты. Он живет театром, и здесь ему важно все, мелочей нет. Я смотрю в его усталые, воспа-

ленные глаза и постепенно открываю в этом человеке внутреннюю энергию, удивительную взрывную силу, способную преобразить все вокруг.

Недавно вы заметили, что творческие отношения в современном театре требуют иной экономической подоплеки, чтобы оставаться творческими. Что будет принципиально новым в вашем театре?

— Наш театр пока единственный театр в СССР, который будет полностью основываться на системе договора с актерами и техническим персоналом. Актер приглашается в театр только на конкретную роль. Если отношения устанавливаются, актеру будет предложена новая роль.

Репертуарный театр, где каждая пьеса играется раз в две-три недели, на мой взгляд, не выполняет своих задач. Долгие годы театральной практики убедили меня, что спектакль может хорошо идти только в том случае, если он исполняется много раз подряд. Тогда актер изо дня в день пребывает в ауре спектакля. Поэтому в месяц у нас будут идти максимум три пьесы. Может быть, придем к тому, что оставим только две пьесы в месяц или даже одну.

Далее. Я хочу попробовать вариант такого спектакля, когда актеры, работающие в разных городах страны, съезжаются в Москву на определенный срок, репетируют спектакль и затем в течение какого-то времени его играют. Предполагается организовать лабораторию актера и режиссера как основной структурный элемент, то есть своеобразные курсы повышения квалификации».

Каковы репертуарные планы театра?

— Осенью хочу начать репетиции «Короля Лира» с Алексеем Петренко в главной роли, а параллельно ставить пьесу Дмитрия Мережковского «Павел Первый» с Альбертом Филозовым. Дальше — «Пушкинский дом» Андрея Битова, он сам будет писать инсценировку. Следующая пьеса — О'Нил, «Долгое путешествие в ночь». Этот спектакль я хочу сделать специально для актеров, с которыми связан много лет... Людмила Поликова, Юрий Гребенщиков, Борис Романов и Дмитрий Щербанов.

ВСЕ ЕЩЕ В ПОДВАЛЕ

— В театре сейчас идут репетиции спектакля «Наблюдатель», который ставит мой ученик из ГИТИСа Борис Юханов. Работа над этой пьесой молодого актера и драматурга Алексея Шипилова началась еще в Театре имени Моссовета, но тот театр ее преврал...

В подвале становится многолюдно. На занятия к Васильеву собираются студенты из ГИТИСа. И снова разговоры, шумные обсуждения, смех.

А жильцы дома, где находится театр, посылают возмущенные письма в разные инстанции. Время от времени появляются милиционеры, пожарные. При мне приходил прокурор, хотел опечатать помещение, оказывается, еще не разрешено на аренду.

Из разговора с А. Васильевым:

— Управление культуры предложило нам подвал, в котором мы сейчас работаем, но пока мы не можем приобрести это помещение, поскольку у нас нет денег на арендную плату. Вопрос материально-технической базы театра еще не решен. У нас нет электро- и звуковой аппаратуры, мы не в состоянии заказывать декорации... Поэтому мы не можем играть, работать над новыми постановками. Мы не можем реально планировать свою жизнь в театре, по крайней мере на ближайшую весну.

Анатолий Осokin, директор театра: «Несколько месяцев мы работали бесплатно, поскольку дотация получена театром лишь частично. Очень тревожная ситуация с основным зданием театра, в котором мы хотим скорее перебраться, — это помещение бывшего кинотеатра «Уран». Его до сих пор занимают проектно-сметное бюро и хозяйственный участок по изготовлению мраморных надгробий. Может быть, нам нужно подавать в суд или самим подписывать новое помещение для них».

Действительно, ситуация парадоксальная. Принято решение открыть театр, Министерство культуры издало соответствующий приказ, а дальше? Бумаги обрастают подписями, но вопросы пока остаются без ответов.

ЗДЕСЬ НАШ ДОМ

В маленьком подвале люди продолжают творить свой театр. Днем. Ночью. Без выходных. Сейчас все, что есть в театре, приобретено своими силами. Где-то взяли стулья, где-то пианино... Большую костюмерную собрал художник по костюмам Павел Каплевич.

«Здесь наш дом», — говорит Владимир Барзин, ассистент главного режиссера.

Людмила Поликова: «Видите, мой ребенок пришел. Он знает, что меня всегда можно найти в театре».

Принесли чай. После репетиции все вместе свли ужинать. Проходя мимо, кто-то пошутил: «А покавай сейчас время суток? Я посмотрел на часы — за полночь».

Что ж, пора. Задаю свой последний вопрос Алексею Петренко.

— Чем вам близок театр Васильева?

Петренко задумывается, некоторое время молчит.

— Близок потому, что если я выйду из своего дома на Суворовском бульваре через чарный ход, лягу и пополазу, то ровно через сорок пять секунд окажусь у парадного входа в подвал Васильевского театра на улице Воросского... Теперь по существу. Васильев знает, чего он хочет и умеет это «хочет» превратить в «может». Его театр строится на надежном фундаменте: жизни, традиции, новое, совсем новое. Однажды Павел Александрович Марков (известный театральный критик. — В. В.), когда мы, сядя в его болинничной палате, разговаривали о знаменитом руководителе знаменитой группы, сказал: «А меня главным образом смущает, что у него нет театральной мечты. У Васильева театральная мечта есть. Вокруг нее мы и собрались...»

Вышел на улицу. Не дворе темно и неуютно. Оглянулся. В подвале укусшего дома ярко горел свет.